

УДК 811.511

DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-1-77-84

Безличные конструкции в карельском языке

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
nypatr@list.ru*

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Представленная статья является комплексным исследованием безличных конструкций в ливвиковском, собственно карельском и людиковском наречиях новописьменного карельского языка. Проведённый анализ выявляет наличие трёх основных типов односоставных конструкций, которые не всегда имеют чёткие границы и порой объединяются в более широкую категорию предложений без явного субъекта.

Цель: выявить основные закономерности структурной и семантической организации безличных конструкций в новописьменной норме карельского языка.

Материалы исследования: учебники, учебные пособия и словари карельского языка.

Результаты и научная новизна. Впервые реализован комплексный анализ бесподлежащих односоставных конструкций на материале собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий новописьменной нормы карельского языка. В статье предлагается функционально-семантическая и структурная классификация карельских безличных предложений. В этой синтаксической группе на основе формально-грамматического критерия выделяются предложения с предикатами, выраженными собственно безличными глаголами и связочно-модальными глаголами в форме третьего лица единственного числа в сочетании с инфинитивом, а также комплексами вспомогательный бытийный глагол-связка + прилагательное, называющее состояние субъекта. С точки зрения семантики класс безличных предложений представляют высказывания о состоянии окружающей среды, спонтанно протекающем физическом или психическом процессе, а также качественно-оценочные суждения. Теоретическая значимость проведённого исследования видится в комплексном изучении одной из важнейших синтаксических категорий карельского языка (односоставных предложений) с опорой на данные новописьменных словарных источников, а также в постановке проблемы роли и грамматической сущности безличных предложений применительно к синтаксическому строю родственных финно-угорских языков и в аспекте контактов с неродственными славянскими (прежде всего, русским) языками. На практическую значимость указывает возможность использования собранного языкового материала, результатов его структурного и функционально-семантического анализа при разработке теоретико-практических дисциплин по морфологии и синтаксису карельского языка, лингвистическому анализу текста, а также вспомогательных курсов по развитию речи.

Ключевые слова: карельский язык, синтаксис, безличные конструкции, простое предложение, новописьменная норма

Для цитирования: Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Безличные конструкции в карельском языке // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 77–84.

Impersonal constructions in the Karelian language

H. V. Patroeva

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
nypatr@list.ru*

T. V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the presented article is a comprehensive study of impersonal constructions in the Livvik, Karelian proper and Ludic dialects of the newly written Karelian language. The analysis revealed the presence of three main types of one-part constructions, which do not always have clear boundaries and are sometimes combined into a broader category of sentences without an obvious subject.

Objective: to examine the structure and functioning of Impulsive constructions in the new written norm of the Karelian language.

Research materials: textbooks, teaching aids and dictionaries of the Karelian language.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of this study is seen in the first realized complex analysis of impersonal monosyllabic constructions on the material of Karelian proper, Livvik and Ludic dialects of the new written norm of the Karelian language. The article offers a functional-semantic and structural classification of Karelian impersonal sentences. In this syntactic group, on the basis of the formal-grammatical criterion, sentences with predicates expressed by impersonal verbs proper and copular-modal verbs in the form of the 3rd person singular in combination with the infinitive, as well as complexes of an auxiliary existential linking verb + an adjective naming the state of the subject are distinguished. From the point of view of semantics, the class of impersonal sentences is represented by statements about the state of the environment, a spontaneously occurring physical or mental process, as well as qualitative-evaluative judgments. The theoretical significance of the conducted research is seen in the comprehensive study of one of the most important syntactic categories in the Karelian language (single-member sentences) based on the data of newly written dictionary sources, as well as in the formulation of the problem of the role and grammatical essence of impersonal sentences in relation to the syntactic structure of related Finno-Ugric languages and in the aspect of contacts with unrelated Slavic (primarily Russian) languages. The practical significance is indicated by the possibility of using the collected linguistic material, the results of its structural and functional-semantic analysis in the development of theoretical and practical disciplines on the morphology and syntax of the Karelian language, linguistic analysis of the text, as well as auxiliary courses on speech development.

Key words: Karelian language, syntax, impersonal constructions, simple sentence, new written norm

For citation: Patroeva N. V., Pashkova T. V. Impersonal constructions in the Karelian language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 77–84.

Введение

До середины 1990-х гг. XX в. синтаксис карельского языка не являлся предметом специального исследования. В научных трудах этого периода имеются лишь отдельные упоминания, затрагивающие некоторые синтаксические аспекты карельского языка. Хотя ещё в 1939 г. был издан учебник на карельском языке в двух частях, вторая из которых посвящена синтаксису главных и второстепенных членов предложения, а также типологии простого предложения в аспекте цели высказывания [17]. После этого наступил полувековой период, когда карельский язык находился в забвении, будучи снятым из школьных образовательных программ и практически не исследуемым. Между тем на новейшем этапе интерес к карельскому языку, его грамматическому и лексическому строю, неуклонно возрастает. После проведённой в 1989 г. конференции, в рамках которой было принято решение о воссоздании карельской и вепсской письменности на латинице [4, 22–24], начинается активная работа над созданием учебно-методической базы: учебников и учебных пособий, словарей (см., напр., [3; 24; 25; 32]). Преподавание карельского языка ведётся в школах и ВУЗах Республики Карелии и других регионов России, что указывает на востребованность всестороннего изучения одного из миноритарных языков Российской Федерации. Итогом многолетней работы стало всестороннее исследование фонологической системы карельского языка, некоторых разделов морфологии (напр., глагола, падежной системы, некоторых разрядов местоимений) (см., напр., [12; 13; 19; 23]). Одной из важных и актуальных проблем в этой области

остаётся изучение синтаксического строя языка уральских, в том числе прибалтийско-финских, языков. Так, языковеды уже обращались к анализу падежной системы карельского языка (см. [5; 26]). Первое комплексное исследование синтаксиса карельских наречий (на диалектном материале) было выполнено В. П. Федотовой [21] (см. об этом подробнее [15]). К настоящему моменту возрождается и изучение структурно-семантических особенностей карельского предложения (см. [14; 16]), однако, в этой области грамматики осталось ещё много незаполненных лагун, одной из которых является вопрос о системе односоставных предложений в карельском языке, в том числе безличных конструкций.

Задачами данного исследования являются следующие: собрать и представить примеры употребления бессубъектных предложений из карельскоязычных лексикографических источников; изучить и охарактеризовать структуру безличных конструкций в карельском языке; систематизировать и классифицировать безличные предложения в формально-грамматическом и функционально-семантическом аспектах на материале карельского языка. Теоретическая значимость исследования обусловлена возможностью применения достигнутых результатов в дальнейших исследованиях по синтаксису простого и сложного предложения. Практическая значимость заключается в релевантности полученных данных для развития проектной деятельности, создания баз синтаксических данных и разработки ВУЗовских и школьных учебников по грамматике карельского языка.

На сегодняшний день безличное предложение исследовано фрагментарно. В монографии

¹ Помимо безличных, к односоставным предложениям в карельском языке В. П. Федотова относит бесподлежащие (с подразумеваемым субъектом) неопределённо-личные, предикат которых выражен формой 3-го л. мн. ч. например, (ливв.) *ruattih pouta päivinä* 'работали в погожие дни' [21, 20].

В. П. Федотовой представлена следующая характеристика безличного предложения в разделе об односоставных предложениях¹: «...грамматический субъект в нём отсутствует и предикатом не подсказывается...», напр.: (ск.) *jokahisella riitti kalua* ‘всем хватало рыбы’, *väkeh oli annettu ämmö* ‘насиленно была выдана замуж бабушка’; (ливв.) *lehmii on prosto lypsie* ‘коров просто доить’, *huigei on silmih kaččuo* ‘стыдно в глаза смотреть’; (люд.) *meile pidau langat kezrätä* ‘нам надо нитки спрясть’, *kodi on katettu laudal* ‘дом покрыт досками’ [21, 17–19]. В учебниках П. М. Зайкова (собственно карельское наречие) [31; 32; 33] и Л. Ф. Маркиановой (ливвиковское наречие) [24; 25] обозначены два типа выражения безличности в предложении: посредством собственно безличного глагола и формой глагола во 2-м лице ед. ч. в конструкции со значением не зависящего от воли субъекта действия, построенной без использования местоимения. Языковед Финляндии Э. В. Ахтия упоминает ещё одну безличную конструкцию в ливвиковском наречии, в которой сказуемое выступает в пассивной форме [22]. В единственной комплексной грамматике по людиковскому наречию говорится о глаголе, выражающем модальное значение необходимости как предикате бессубъектного предложения [28].

Материалы и методы

В процессе исследования использовалась обширная теоретико-методологическая база по изучаемой проблеме в прибалтийско-финских, а также шире – финно-угорских – и русском языках [2; 5; 6; 7; 10; 11; 20; 21; 30; 34]. Источниками материала для синтаксического анализа послужили новописьменные словари и учебники собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий карельского языка [1; 3; 12; 18; 19; 23; 25; 27; 28; 29; 31; 32; 33].

Исследование проводилось с применением таких методов, как структурно-описательный, функционально-семантический, лексикографический.

Результаты

Безличные предложения в карельском языке представлены следующими конструкциями:

1) предложения с предикатом, выраженным собственно безличным глаголом, который используются только в форме 3-го лица ед. ч. В предложении такие глаголы используют без подлежащего, другими словами, действие происходит без участия активно действующего лица. К безличным глаголам в карельском языке относятся:

– глаголы, номинирующие состояние окружающего мира, явления природы, не зависящие от воли людей: *tuulou* ‘дует ветер’, *pimenöy* ‘темнеет’, *valkenou* ‘светает’, *lämpenöy* ‘теплеет’, *vilustuu* ‘холодает’, *hämärtyy* ‘смеркается’, *vihmuu* ‘идёт дождь’, (*tulta*) *isköy* ‘молния сверкает’, *jiättäy* ‘затягивает льдом’ (напр., *Syksyllä aivoiin pimenöy* ‘Осенью рано темнеет’; *Ulkona tuulou ta vihmuu* ‘На улице дует ветер и идёт дождь’) [3, 68]; (ливв.) *Jo hämärduy, pidäy kiirehtiä kodih* ‘Уже темнеет, нужно спешить домой’; *Sygyzyl aijoi pimenöy* ‘Осенью рано темнеет’; *Vuota, konzu valgenou, sit lähtet* ‘Подожди, когда наступит рассвет, тогда отправишься’; *Pihal ylen äijäl tuuččuau* ‘На улице очень сильно выюжит’ [25, 111].

Большинство глаголов этой группы образованы посредством транслативного суффикса *ne-* (*no-/nö-* в 3-м лице ед. ч. в зависимости от гармонии гласных) со значением ‘становиться каким-либо’. С помощью него образуются также безличные глаголы: *kove-no-u* ‘твердеет’ от *kova* ‘твёрдый’, *kypse-nö-y* ‘становится спелым’ от *kypsä* ‘спелый’, *pime-nö-y* ‘темнеет’ от *pimie* ‘тёмный’, *lämpe-nö-y* ‘теплеет’ от *lämmän* ‘тёплый’ [3, 110].

– глаголы, называющие физическое или психологическое состояние человека, протекающее непроизвольно, спонтанно: (ск.) *oksennuttau* ‘тошнит’, *janottau* ‘хочется пить’, *nukuttau* ‘клонит ко сну’, *laisuttau* ‘лень одолевает’, *värisyttäy* ‘дрожь пробирает’, *makauttau* ‘хочется спать’, *pakottau, kivistäy* ‘болит’, *vetäy* ‘тянет’, *haikotuttau* ‘зевается’, *humalluttau* ‘пьянит’, *kurajau* ‘чешется’, *juukuttau* ‘болит приступами’, *itettäy* ‘плакать хочется’, *puartelou* ‘болит, ноет’, *vauvuttau* ‘усталость одолевает’, *huimuu* ‘голова кружится’; (ливв.) *juotattau* ‘хочется пить’, *oksennuttau* ‘тошнит’, *nikoittau* ‘икается’, *väzyttäy* ‘испытывать чувство усталости’, *ryvittäy* ‘испытывать чувство кашля’, *kivistäy* ‘болит’, *haikostuttau* ‘зевается’, *nukuttau* ‘клонит ко сну’, *kupettau* ‘чешется’ (напр., (ск.) *Milta oksennuttau* ‘Меня тошнит’; *Poikua jo nukuttau* ‘Мальчика клонит в сон’; *Piätä huimuu* ‘Голова кружится’; *Piätä kurajau* ‘Голова чешется’; *Hammasta kivistäy* ‘Зуб болит’) [3, 68]; (ливв.) *Kalan syödy juotattau* ‘Поев рыбы, жажду испытываешь’; *Lapsi on voimatoi, händy oksennuttau* ‘Ребёнок болеет, его тошнит’; *Täs ruavos äijäl väzyttäy* ‘Эта работа сильно утомляет’ [25, 111]. В отличие от первой группы предложений (собственно безличных), здесь мы видим наличие косвенного субъекта названного глагольным предикатом состояния, который выражен формой косвенного или объектного падежа имени или местоимения.

– модальные глаголы в форме 3-го л. ед. ч., выражающие желание, необходимость, возможность / невозможность, обычно в структуре односоставного бесподлежащего предложения сочетаются с косвенно-падежной формой личного местоимения или называющего человека имени существительного и инфинитивом полнозначного глагола: (ск.) *himottau* ‘хочется’, *halluttau* ‘хочется’, *pitäy* ‘надо, следует’, *kelpuau* ‘годится’; (ливв.) *himottau* ‘хочется’ (напр., (ливв.) *minul himoittau lugie* ‘мне захотелось читать’ [1, 206]; (ск.) *Miula pitäy nyt lähtie kotih* ‘Мне надо сейчас идти домой’; *Miula himottau laulua* ‘Мне хочется петь’; *Haluttau suuvva suolakakua* ‘Хочется солёной рыбы’) [3, 68]; (люд.) *Hänele pidau ruata* ‘Ему нужно работать’; *Milei pidi opastuda* ‘Мне нужно было учиться’; *Poigale pidaiž kazvada* ‘Сыну надо бы вырасти’; *Diedale ei pidanuiž ostada lehmäd* ‘Деду не надо было покупать корову’ [28, 56].

Кроме того, модальные по значению бессубъектные предложения формируются с участием многозначных глаголов с семантикой (ливв.) *suaja* / (ск.) *šuaaha* / (люд.) *suada* ‘мочь, иметь позволение’ и (ливв., ск.) *voija* / (люд.) *voida* ‘мочь, иметь позволение, возможность’ в инфинитиве. Обратимся к рассмотрению конкретных примеров с их употреблением:

suaja / *šuaaha* / *suada* (ливв.) *randah sai piästä vaiku uidajen* ‘до берега можно было добраться только вплавь’ [1, 55]; *tädä ei sua luadie* ‘этого нельзя делать’ [1, 176]; (ск.) *häneštä ei šua mitänä peittyä* ‘от него ничего нельзя утаить’ [18, 330], *ennein piätinččänä ei šuanin peššä vuatteita* ‘раньше в пятницу нельзя было стирать бельё’ [18, 250]; (люд.) *ei sua aleta ni keda* ‘никого нельзя унижать’ [28, 366], *küliš ei sua heikkada* ‘в бане нельзя кричать’ [28, 264].

Voija / *voida*: (ливв.) *häneh voi uskuo* ‘на него можно рассчитывать (букв.: в него можно верить)’ [1, 300], (ск.) *täpläaineh voi oštua kaupäšša* ‘пятновыводитель можно купить в магазине’ [18, 255], *tämä voi monella tavalla šelittyä* ‘это по-всякому можно объяснить’ [18, 223]; (люд.) *tähe čihvah voib d’uobuda* ‘от этого угара можно угореть’ [27, 29].

Подобные предложения до сих пор не включались в примеры лишённых номинатива односоставных структур с модальной семантикой.

2) Согласно трактовке П. М. Зайкова, предикат в безличных предложениях второй структурной разновидности может выражаться императивной или индикативной формой глагола во 2-м лице ед. ч. без использования местоимения, напр.: *Meän kyläl ei ole kalavettä, et mene kalal* ‘(букв.: В нашей деревне нет рыбного водоёма, не ходи на рыбалку)’; *Sinun paginois et soa praudoa* ‘В твоих разговорах не говоришь правды’ [3, 68]; ср. также (ливв.) *minä tulizin, ga ei ole aigua* ‘я бы пришёл, но нет времени’ [18, 181]. Вполне очевидно, на наш взгляд, наличие действующего лица (активно действующего агенса или являющегося только воспринимающим ситуацию либо обладателем свойства экспериенцера) в данных высказываниях, что переводит их в разряд определённо-личных односоставных предложений (при этом отметим, что возможна и иная интерпретация этих предложений – как двусоставных неполных с эллипсисом подлежащего, которое легко может быть восстановлено из ситуации речи или предшествующего контекста, как в примере *Ahtas on aiga minul, ku putuit pahah rahvahah* ‘(букв.: Тяжело очень мне, что попал к плохим людям)’ [3, 68].

3) По Э. В. Ахтия, сказуемое бессубъектной конструкции выступает в пассивной форме (напр., *Leikatah ruista* ‘Жмёт рожь’; *Juvvah čoaju* ‘Пьют чай’; *Kävelläh bes’odois* ‘Ходят на бесёды’) [22, 10]. В подобных случаях в высказывании обычно фигурирует либо пациенс, подвергающийся воздействию со стороны иного актанта, либо возникающий в результате действия агенса фактивитив, и процесс карельским языком представляется как протекающий с участием неопределённого количества лиц (ср. с севернорусскими диалектными конструкциями, в которых фигурирует страдательное причастие в форме среднего рода, не согласованное с именем: *Voda / Воды принесено; Она выученось* – см. подробнее, напр., в работах [6, 135–136; 7, 83; 8, 141; 9, 65–69; 10, 125; 20, 149]; в связи с этим российскими диалектологами высказывались предположения о процессе влияния на заонежские и иные севернорусские говоры финского перфекта в пограничной с говорами прибалтийско-финских языков среде бытования (см. в работах [11, 98; 34, 133–139]).

¹ Бесёды – вечерние увеселительные собрания молодежи (см., напр., [Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965. Вып. 2: Ба - Блазниться / сост. И. А. Попов [и др.]: гл. ред. Ф. П. Филин. 1966. С. 262].

Примечательно, что в современных грамматиках новописьменного карельского языка категория пассива не выделяется. Действие, в котором использовано неопределённое количество людей, выражается формой 3-го лица мн. ч. [13, 335], которая оказывается в предложении предикатом односоставной неопределённо-личной конструкции. Однако в ливвиковской грамматике, подготовленной финляндским языковедом Р. Пюёли, пассивная форма глагола анализируется в отдельном разделе [29, 72–73], так как в финском языке, в отличие от карельского, форма пассива и 3-го лица мн. ч. образуются по-разному (ср. финские предикаты *katsovat* ‘они смотрят’ (пассив) и *katsotaan* ‘смотрят’ (активная форма 3-го л. мн. ч.); в карельском *kačotah* ‘они смотрят = смотрят’).

Ещё одна разновидность безличных предложений представлена конструкцией «вспомогательный бытийный глагол-связка + прилагательное / существительное, называющее состояние субъекта»: (ливв.) *minul on huigei* ‘мне стыдно’ [1, 252], *minul on paha* ‘мне плохо (букв.: у меня есть плохой)’ [1, 181]; (ск.) *miula on huikie* ‘мне стыдно’ (букв.: у меня есть стыд)’ [18, 291], *miula on oikein suali* ‘мне очень жалко’ [18, 99]; (люд.) *milei on selged* ‘мне ясно’ [28, 382], *milei on vilu* ‘мне холодно²’ [27, 371]. Субъект состояния выражен местоимением в форме косвенных падежей.

Д. В. Бубрих указывал на то, что в «концентрах» подлежащего и сказуемого вкладываются понятийные категории предмета и ситуации. Эти две понятийные категории получают выражение в грамматических категориях существительного (или эквивалентного ему слова) и глагола. Концентр подлежащего никогда не имеет в своей основе что-нибудь иное, чем существительное (или эквивалентное ему слово). В случаях вроде *huvä on mennä kotiin* ‘хорошо пойти домой’ или *huvä on, että menette kotiin* ‘хорошо, что вы идёте домой’ инфинитив или придаточное предложение отнюдь не занимают позицию подлежащего: перед нами, по Д. В. Бубриху, отчётливое безличное предложение, где инфинитив или придаточное предложение выступают в роли своеобразных распространителей, и вряд ли нужно говорить о том, что субституты могут отождествляться с

концентром подлежащего на тех же началах, что существительное в номинативе [2, 277].

Обсуждение и заключение

Таким образом, анализ новописьменных источников и трудов по грамматике карельского языка позволяет прийти к выводу о существовании в карельских наречиях трёх типов односоставных структур, которые не всегда чётко разграничиваются, а иногда и объединяются в одну группу бессубъектных предложений некоторыми исследователями: безличных, определённо-личных и неопределённо-личных предложений, лишённых подлежащей позиции (концентра подлежащего), в терминах Д. В. Бубриха).

Безличные предложения в карельском языке достаточно разнообразны в семантическом отношении, но имеют довольно строго ограниченный, не столько в лексическом, сколько в формально-грамматическом плане набор форм. Предикат бессубъектной конструкции первой структурной разновидности выражается формой глагола третьего лица единственного числа – одной, как в предложениях, характеризующих состояние природы или психическое и физическое состояние человека, либо в сочетании с инфинитивом, как в модальных по значению высказываниях, в которых связочный глагол передаёт семантику оптативности, возможности / невозможности, необходимости. Предикат безличных предложений второй разновидности в карельском языке выражен личной формой бытийного глагол-связки + прилагательное, называющее состояние субъекта, имеющим качественно-оценочное значение.

Указанные разновидности бесподлежащих конструкций формировались, вероятно, не без влияния не только близкородственного финского языка, но и контактов с русскими соседями, что обусловило достаточную широту спектра односоставных структур в наречиях карельского языка. Вполне возможным представляется отнесение формирования предложений с безличными глаголами к древней эпохе прафинского единства, однако этот вопрос требует более тщательного и комплексного исследования на материале языков уральской семьи.

² Некоторые прилагательные в карельском языке субстантивировались, что привело к образованию омонимов (напр., (ливв., люд., ск.) *vilu* ‘холод, холодный’ [1, 380; 18, 337; 27, 371]).

Список сокращений

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, люд. – людиковское наречие карельского языка, ск. – собственно карельское наречие карельского языка.

Список источников и литературы

1. Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011. 400 с.
2. Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом // Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 173–290.
3. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
4. Ковалёва С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 138 с.
5. Конт К. Объект в прибалтийско-финских языках (падежные формы): АДК. Таллин, 1959. 519 с.
6. Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.
7. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 312 с.
8. Маркова Н. В. Диалектные перфектные конструкции в одном заонежском говоре и идиостиле // Севернорусские говоры. СПб.: Нестор-История, 2014. Вып. 13. С. 137–148.
9. Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 63–71.
10. Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: АН СССР, 1961. С. 103–139.
11. Мызникова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. СПб.: Нестор-История, 2014. 195 с.
12. Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка. Фонетика. Фонология. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 226 с.
13. Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме: научное электронное издание. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 502 с.
14. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система подчинительных средств связи в сложном предложении (на материале собственно карельского наречия карельского языка): опыт классификации // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 280–290.
15. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Вводные слова в ливвиковском наречии карельского языка: семантика, этимология и функционирование // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 69–77.
16. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Относительные местоимения как коннекторы сложноподчиненного предложения в ливвиковском наречии карельского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 145–154.
17. Ригоев А. Е., Сергеев М. Е. Карельской киелен грамматика. II части. Синтаксис. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 152 с.
18. Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / сост.: П. М. Зайков [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2015. 360 с.
19. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1977. 287 с.
20. Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. 214 с.
21. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 157 с.
22. Ahtia A. E. Karjalan kielioppi. Lauseoppi. Korpijyvä: Karjalan Kielen Seura, 2014. 159 p.
23. Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
24. Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Nominat ab abusanat. Petroskoi: Petroskoin valdivonyliopisto, 1993. 100 p.
25. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 p.
26. Ojajärvi A. Sijojen merkitystehtävistä Itä-Karjalan Maaselän murteissa. Nominatiivi, genetiivi, akkuzatiivi ja partitiivi vertaileva funktio-opillinen tutkimus. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1950. 173 p.
27. Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird'. Helsinki: Lyydiläinen Seura ry, 2022. 385 p.
28. Pahomov M. Lüüdin grammatik. Людиковская грамматика. Tarttu: Heimloimed, 2024. 134 p.
29. Pyöli R. Livvin karjalan kielioppi. Helsinki: KSS, 2011. 199 p.
30. Rasmus S. Suomen kielen verbien morfologinen mukauttaminen pohjoissaameen puhutun kielen aineistossa // Virittäjä. 2024. № 3. S. 370–397.
31. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie (II. muoto-oppie). Petroskoi: [w/p], 1993. 87 p.
32. Zaikov P. Karjalan kielioppi: 5–9. Petroskoi: Periodika, 2002. 208 p.
33. Zaikov P. Vienankarjalan kielioppi. Helsinki: Hakapaino Oy, 2013. 284 p.
34. Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington: Curzon, 1967. 329 p.

References

1. Boyko T. P., Markianova L. F. *Bol'shoy karel'sko-russkiy slovar' (livvikovskoye narechiye)* [Great Karelian-Russian dictionary (Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Periodicals Publ., 2016. 352 p. (In Russian, Karelian)
2. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka v svyazi s sintaksisom* [Historical morphology of the Finnish language in connection with syntax]. Bubrikh D. V. *Pribaltiysko-finskoye yazykoznanie: Izbrannyye trudy* [Baltic-Finnish linguistics: Selected works]. Ed. G. M. Kert, L. I. Suvizhenko. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2005. Pp. 173–290. (In Russian)
3. Zaykov P. M. *Grammatika karel'skogo yazyka* [Grammar of the Karelian language]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 1999. 120 p. (In Russian, Karelian)

4. Kovaleva S. V., Rodionova A. P. *Traditsionnoye i novoye v leksike i grammatike karel'skogo yazyka (po dannym sotsiolingvisticheskogo issledovaniya)* [The traditional and the new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to sociolinguistic research)]. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN Publ., 2011. 138 p. (In Russian)
5. Kont K. *Obyekt v pribaltiysko-finskikh yazykakh (padezhnyye formy)* [Object in the Baltic-Finnic languages (case forms)]. Tallinn, 1959. 519 p. (In Russian)
6. Kuzmina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of the Russian dialects in the linguogeographic aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 224 p. (In Russian)
7. Kuzmina I. B., Nemchenko Ye. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in the Russian dialects]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 312 p. (In Russian)
8. Markova N. V. *Dialektnyye perfektnyye konstruksii v odnom zaonezhskom govore i idiosstile* [Dialectal perfective constructions in one of the Onega dialect and idiosstyle]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects]. Saint-Petersburg: Nestor-Historiya Publ., 2014. Iss. 13. Pp. 137–148. (In Russian)
9. Markova N. V. *Grammaticheskiye dialektnyye cherty zaonezhskogo dialekta* [Grammatical dialectal features of the Onega dialect]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Petrozavodsk State University], 2020, no. 42 (1), pp. 63–71. (In Russian)
10. Matveenko V. A. *Nekotoryye osobennosti struktury stradatel'no-bezlichnogo oborota v russkikh govorakh* [Some features of the structure of a passive-impersonal construction in the Russian dialects]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Moscow: AN SSSR Publ., 1961. Pp. 103–139. (In Russian)
11. Myznikova Ya. V. *Russko-pribaltiysko-finskiye yazykovyye kontakty i ikh otrazheniye v oblasti dialektnogo sintaksisa* [Russian-Baltic-Finnish language contacts and their reflection in the field of dialectal syntax]. Saint-Petersburg: Nestor-Historiya Publ., 2014. 195 p. (In Russian)
12. Novak I. P. *Tverskiye govory karel'skogo yazyka. Fonetika. Fonologiya* [Tver dialects of the Karelian language. Phonetics. Phonology]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2016. 226 p. (In Russian, Karelian)
13. Novak I. P. *Karel'skiy yazykovoy landshaft v dialektometricheskoy paradigme: nauchnoye elektronnoye izdaniye* [Karelian language landscape in the dialectometric paradigm: scientific electronic publication]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2025. 502 p. (In Russian, Karelian)
14. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Sistema podchinitel'nykh sredstv svyazi v slozhnom predlozhenii (na materiale sobstvenno karel'skogo narechiya karel'skogo yazyka): opyt klassifikatsii* [System of subordinating means of communication in a complex sentence (on the material of the Karelian dialect of the Karelian language): classification experience]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 280–290. (In Russian, Karelian)
15. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Vvodnyye slova v livvikovskom narechii karel'skogo yazyka: semantika, etimologiya i funkcionirovaniye* [Parenthetical words in the Livvik dialect of the Karelian language: semantics, etymology, and functioning]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (1/56), pp. 69–77. (In Russian, Karelian)
16. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Otnositel'nyye mestoimeniya kak konnektory slozhnopodchinennogo predlozheniya v livvikovskom narechii karel'skogo yazyka* [Relative pronouns as connectors of a complex sentences in the Livvik dialect of the Karelian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2025, no. 1, pp. 145–154. (In Russian, Karelian)
17. Rigoev A. Ye., Sergeev M. Ye. *Karel'skoyn kiyelen grammatika. II chuasti. Sintaksis* [Karelian linguistic grammar. II parts. Syntax]. Petrozavodsk: Kargosizdat Publ., 1939. 152 p. (In Karelian)
18. *Russko-karel'skij slovar' (severnokarel'skie dialekty)* [Russian-Karelian dictionary (North Karelian dialects)]. Comp. P. M. Zaykov et al. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2015. 360 p. (In Russian, Karelian)
19. Ryagoev V. D. *Tikhvinskiy govor karel'skogo yazyka* [Tikhvin dialect of the Karelian language]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1977. 287 p. (In Russian, Karelian)
20. Trubinskiy V. I. *Ocherki russkogo dialektnogo sintaksisa* [Essays on Russian dialectal syntax]. Leningrad: LGU Publ., 1984. 214 p. (In Russian)
21. Fedotova V. P. *Ocherk sintaksisa karel'skogo yazyka* [Essay on the syntax of the Karelian language]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 157 p. (In Russian, Karelian)
22. Ahtia A. E. *Karjalan kielioppi*. Lauseoppi. Kopijyvä: Karjalan Kielen Seura, 2014. 159 p. (In Karelian)
23. *Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition*. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2022. 452 p. (In Karelian)
24. Markianova L. *Livvin murdehen morfologii. Nominat da abusanat*. Petroskoi: Petroskoin valdivonyliopisto, 1993. 100 p. (In Karelian)
25. Markianova L. *Karjalan kielioppi*. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 p. (In Karelian)
26. Ojajärvi A. *Sijojen merkitystehäivistä Itä-Karjalan Maaselän murteissa. Nominatiivi, genetiivi, akkuzatiivi ja partitiivi vertaileva funktio-opillinen tutkimus*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1950. 173 p. (In Finnish)
27. Pahomov M. *Lüüdin grammatik*. Tarttu: Heimloimed, 2024. 134 p. (In Karelian)
28. Pahomov M. *Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird'*. Helsinki: Lyydiläinen Seura ry, 2022. 385 p. (In Karelian)
29. Pyöli R. *Livvin karjalan kielioppi*. Helsinki: KSS, 2011. 199 p. (In Karelian)
30. Rasmus S. Suomen kielen verbien morfologinen mukauttaminen pohjoissaameen puhutun kielen aineistossa. *Viritäjä*, 2024, no. 3, pp. 370–397. (In Finnish)
31. Zaikov P. *Karjalan kielen kielioppi* (II. muoto-oppie). Petroskoi: [w/p], 1993. 87 p. (In Karelian)
32. Zaikov P. *Karjalan kielioppi: 5–9*. Petroskoi: Periodika, 2002. 208 p. (In Karelian)
33. Zaikov P. *Vienankarjalan kielioppi*. Helsinki: Hakapaino Oy, 2013. 284 p. (In Finnish, Karelian)
34. Veenker W. *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache*. Bloomington: Curzon, 1967. 329 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Патроева Наталья Викторовна, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор филологических наук.

nvpatr@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор исторических наук, кандидат филологических наук.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHORS

Patroeva Natalya Viktorovna, Chair of the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic Karelia, Petrozavodsk, Lenina St., 33), Doctor of Philological Sciences.

nvpatr@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Chair of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic Karelia, Petrozavodsk, Lenina St., 33), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767